

«Христос и сегодня идет нам навстречу»

Отрывки из выступлений Святейшего Отца во время апостольской поездки 22-25 сентября 2011 года

ТО ВЕЛИКОЕ, ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ

Какое значение имеет вопрос о Боге в нашей жизни? В нашем благовествовании? Большинство людей, даже и христиан, сегодня исходят из предположения, что Бог, в конечном счете, не интересуется нашими грехами и добродетелями. (...)

Вопрос «Какова позиция Бога по отношению ко мне, каким образом я пребываю перед Богом?», этот животрепещущий вопрос Лютера должен снова и, конечно же, в новой форме, стать и нашим вопросом, не отвлеченным, а конкретным. (...)

Самое главное на сегодняшний день для экуменизма – прежде всего, чтобы под прессом секуляризации мы не потеряли почти незаметно для нас самих то великое, что нас объединяет. (...)

Конечно, вера должна быть переосмыслена и, прежде всего, пережита сегодня заново и по-новому, чтобы стать тем, что принадлежит настоящему. Но поможет нам не разбавление веры – мы должны полностью пережить веру в нашем настоящем. (...) Не тактика спасет нас, спасет христианство, но переосмысленная и пережитая по-новому вера, через которую Христос и с Ним живой Бог входит в наш мир. (...) Вера, пережитая из самой глубины нашего существа в секуляризованном мире, - вот самая главная экуменическая сила.

(Встреча с представителями Евангелической Церкви Германии, Эрфурт, 23 сентября)

ЖАЖДА БЕСКОНЕЧНОГО НЕИСКОРЕНИМА

Нуждается ли человек в Боге, или же все идет от-

носительно нормально и без Него? Когда на первой стадии отсутствия Бога Его свет все еще продолжает посылать отблески и поддерживает порядок человеческого существования, может возникнуть впечатление, что и без Бога все идет довольно неплохо. Но чем дальше мир отдалется от Бога, тем яснее становится, что человек все больше «теряет» свою жизнь в высокомерии власти, в пустоте сердца и в жажде удовлетворения и счастья. Жажда Бога в человеке неискоренима. Человек был создан для отношения с Богом и нуждается в Нем. Нашим главным экуменическим служением в настоящее время должно быть совместное свидетельство о присутствии Бога живого, это и будет ответ, в котором нуждается мир. Конечно, центральной частью этого важнейшего свидетельства о Боге является свидетельство об Иисусе Христе, истинном Боге и истинном человеке, который жил с нами, страдал за нас, умер за нас и через воскресение отверз двери смерти. Дорогие друзья, укрепимся в этой вере! Поможем друг другу переживать ее! В этом и состоит великая экуменическая задача. (...) Вера христиан основывается не на взвешивании преимуществ и неудобств. Вера, создающая сама себя, не имеет никакой ценности. Вера это не плод наших измышлений или договоренностей. Это основание нашей жизни. Единство укрепляется не через оценку преимуществ и неудобств, но только лишь через углубление в вере посредством мысли и жизни.

(Экуменическое богослужение, Эрфурт, 23 сентября)

ПОЗИТИВИСТСКИЙ РАЗУМ И РАЗУМ, ОТКРЫТЫЙ ЯЗЫКУ БЫТИЯ

«Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3 Цар. 3,9). Этим рассказом Библия желает показать нам, что, в конечном счете, должно быть важным для политика. (...)

Во многих случаях, требующих юридического урегулирования, принцип большинства может быть достаточным критерием. Но очевидно, что в фундаментальных вопросах права, в которых речь идет о достоинстве человека и человечества, принципа большинства не достаточно: в процессе формирования права каждый, на ком лежит ответственность, должен сам искать критерии, которыми он будет руководствоваться. (...)

Для развития права и для развития человечества решающим стало то, что христианские богословы заняли позицию против религиозного права, которое требовало веры в божества, и встали на сторону философии, признав в качестве юридического источника, действительного для всех, разум и природу в их взаимосвязи. Этот выбор сделал еще святой Павел. В Послании к Римлянам он пишет: "Когда язычники, не имеющие закона [Торы Израиля], по природе законное делают, (...) они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их..." (Рим. 2,14s). Здесь появляются два фундаментальных понятия природы и совести, где «совесть» не что иное, как «сердце разумное» Соломона, разум, открытый языку бытия. (...)

Почти повсеместно сегодня принятая позитивистская концепция природы (...) [считает ее] - по словам Ханса Кельсена - «некоей совокупностью объективных данных, связанных друг с другом как причины и следствия». (...) [В этой концепции] то, что нельзя подвергнуть проверке или опровергнуть, не включается в сферу разума в строгом смысле. (...) Позитивистское видение мира (...) в своей совокупности не является культурой, которая соответствует и достаточна, чтобы быть человеком во всей полноте. Там, где позитивистское мышление считает себя единственной достаточной культурой, отводя другим культурным реальностям место субкультур, оно умаляет человека, и даже более того - угрожает его человечности. (...)

Необходимо снова распахнуть окна, вновь увидеть широкие перспективы мира, небо и землю. (...)

Как разум может вновь обрести собственное величие, не впадая в иррациональное? Как природа может вновь явиться в своей истинной глубине, со своими требованиями и указаниями? (...)

Человек - это не просто свобода, которая создается сама собой. Человек не создает самого себя, (...) не создан самим собой. (...) Действительно ли не имеет смысла размышлять над тем, не предполагает ли объективный смысл, который проявляется в природе, некоего творческого Разума, некоего Creator Spiritus?

(Выступление в Федеральном Парламенте, Берлин, 22 сентября)

МАЛЕНЬКОЕ ПЛАМЯ, КОТОРОЕ СИЛЬНЕЕ ТЬМЫ

Не наши человеческие усилия и не современный технический прогресс принесут свет в этот мир. Мы снова и снова видим на опыте, что наши усердные старания установить лучшие и справедливейшие порядки истощаются. (...) И в конце концов остается тревожащая темнота.

Мы можем быть окружены тьмой и темнотой, но все же видим свет - маленькое, крошечное пламя, которое сильнее тьмы, хотя она кажется такой властной и непреодолимой. Христа. (...) Вера в Него, как маленькое пламя, проникает сквозь все темное и таящее угрозу. Верующий во Христа, конечно, не видит всю жизнь одно только солнце, как будто он мог бы избавиться от страданий и трудностей, но этот ясный свет всегда указывает ему путь. (...)

Дорогие друзья, образ святых не раз высмеивался и искажался, как будто святость означает оторванность от реальности, наивность и отсутствие радости. Нередко звучит мысль, что святым может быть только тот, кто упражняется в аскетике и совершает высокоморальные поступки, и их, конечно, можно прославлять, но невозможно подражать им в своей жизни. Как же ошибочно такое мнение, и как оно угнетает! (...) Дорогие друзья, Христа интересует не то, сколько раз в жизни мы колеблемся и падаем, но сколько раз мы поднимаемся с Его помощью. Он не требует необычных

дел – Он хочет, чтобы Его свет сиял в вас. Он призывает вас не потому, что вы добры и совершенны, но потому что Он добр и хочет сделать вас Своими друзьями. (...) Вы христиане не потому, что совершаете нечто особенное и необычное, но потому что Он, Христос, - ваша, наша жизнь. (...)

Позвольте Христу гореть в вас, даже если для этого потребуются жертва и отречение от чего-либо. Не бойтесь что-нибудь потерять и остаться в конце концов, так сказать, с пустыми руками. Смело задействуйте свои таланты и дарования (...), чтобы через вас Господь осветил тьму.

(Обращение к молодежи,
Фрайбург, 24 сентября)

РЕЛЯТИВИЗМ, ПРОНИКАЮЩИЙ ВО ВСЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ

Время, в которое мы живем, в большой степени отмечено подсознательным релятивизмом, который проникает во все сферы жизни. Иногда этот релятивизм становится воинствующим, восставая против людей, которые заявляют, что им известно, где находится истина или смысл жизни. (...)

Церковь Германии превосходно организована. Но осталась ли еще за структурами духовная сила, сила веры в Бога живого? Мы искренне должны сказать, что структур больше, чем Духа. И добавлю: подлинный кризис Церкви в западном мире – это кризис веры. (...)

Но вернемся к людям, которым недостает опыта благодати Бога. Им нужно место, где они могли бы говорить о соевой внутренней тоске. И в этой связи мы призваны искать новые пути евангелизации. (...) Пусть Господь всегда указывает нам путь, чтобы мы все вместе были светилами миру, чтобы показать нашему ближнему путь к источнику, у которого он сможет утолить глубочайшее желание жизни.

(Выступление перед Центральным комитетом католиков Германии, Фрайбург, 24 сентября)

ОН ЖДЕТ НАШЕГО «ДА» И МОЛИТ О НЕМ

Бог, Всемогущий, (...) проявляет Свою власть иначе, чем привыкли это делать мы, люди. Он сам поставил предел Своей власти, признав свободу

Своих творений. (...) Он близок нам, и Его сердце волнуется о нас, склоняется над нами. Чтобы власть Его милосердия смогла затронуть наши сердца, мы должны быть Ему открыты, (...) Бог уважает нашу свободу. Он не принуждает нас. Он ждет нашего «да» и, можно сказать, молит о нем.

В Евангелии Иисус рассказывает притчу о двух братьях, которых отец позвал работать в винограднике. Первый сын ответил: «"не хочу"; а после, раскаявшись, пошел» (Мф. 21, 29). А другой, напротив, сказал отцу: «"иду, государь", и не пошел» (Мф. 21, 30). (...) Иисус (...) обращает эти слова к первосвященникам и старейшинам израильского народа, то есть к специалистам по религии в Его народе. Они сперва говорят «да» воле Бога. Но их религиозность становится привычкой, и Бог их больше не волнует. Поэтому весть Иоанна Крестителя и весть Христа становится для них помехой. Итак, Христос заканчивает притчу резкими словами: «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие». (...) В переводе на язык нашего времени это утверждение могло бы звучать примерно так: агностики, которые из-за вопроса о Боге не могут найти покоя, люди, которые страдают от своих грехов и желают обрести чистое сердце, ближе к Царству Божию, чем верующие «по привычке», которые видят в Церкви только механизм, но их сердце не затронуто верой. (...)

В духе учения Иисуса [нам] нужно иметь (...) открытое сердце, которое позволит любви Христа затронуть его, и тогда оно сможет дать ближнему, который в нас нуждается, нечто большее, чем просто техническую услугу, - любовь, в которой другому человеку станет виден любящий Бог, Христос. (...) Обновление Церкви, в конечном счете, может произойти только через готовность к обращению и через обновленную веру. (...)

«Humilitas», латинское слово, означающее «смирение», этимологически связано со словом «humus», то есть связано с «землей», реальностью. Смиренные люди стоят на земле обеими ногами. (...) Попросим у Бога мужества и смирения, чтобы идти по пути веры.

(Проповедь во время Святой Мессы,
Фрайбург, 25 сентября)

СДЕЛАТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ХРИСТЕ ВИДИМЫМ И СЛЫШИМЫМ

Святые с очевидностью показывают нам, что Бог (...) первым обратился в нашу сторону. Мы не смогли бы достичь Его и хоть как-то дотянуться до неведомого, если бы Он не возлюбил нас первым, если бы Он первым не пошел нам навстречу. (...)

Христос и сегодня идет нам навстречу, Он обращается к каждому. (...) Святые (...), так сказать, заразились Им, и из самой глубины своего существования устремились к Нему. (...)

Верить, в сущности, означает верить вместе с другими. Никто не может верить в одиночку. Мы получаем веру, как говорит святой Павел, от слушания. А слушание – это процесс, который предполагает, что люди находятся вместе духовно и физически. (...) Возможностью верить я обязан в первую очередь Богу, который обращается ко мне и, так сказать, «зажигает» мою веру. Но, говоря более конкретно, я обязан своей верой тем, кто находится рядом со мной, кто поверил прежде меня и верит вместе со мной. Это великое «вместе», без которого невозможна какая бы то ни было личная вера, и есть Церковь. (...) Если мы откроемся всей вере во всей истории и в ее свидетельствах во всей Церкви, тогда у католической веры есть будущее и как у общественной силы. (...)

Святые, даже там, где их мало, меняют мир. А великие святые продолжают быть преобразующей силой во все времена. (...) Уподобимся же знаменитому колоколу кафедрального собора Эрфурта, который носит имя «Славный». (...) Будем побуждать друг друга по примеру святых сделать свидетельство о Христе видимым и слышимым в мире, сделать видимой и слышимой славу Бога и, таким образом жить в мире, где Бог присутствует и делает жизнь прекраснее и богаче смыслом.

(Проповедь во время Свято й Мессы,
Эрфурт, 24 сентября)

ОН БЛИЖЕ МНЕ, ЧЕМ Я САМ

Уже несколько десятилетий мы наблюдаем ослабление религиозной жизни, констатируем, что значительная часть крещеных все больше дистанцируется от жизни Церкви. Возникает во-

прос: не должна ли Церковь измениться? Не должна ли она, ее службы и структуры, адаптироваться к настоящему времени, чтобы достичь современных людей, пребывающих в поиске и сомнениях? Однажды блаженную Мать Терезу спросили, что, по ее мнению, нужно в первую очередь изменить в Церкви. Ее ответ был: Вас и меня! (...)

Церковь полностью обязана своим существованием этому неравному обмену. Перед лицом ее Основателя у нее нет ничего собственного, что позволило бы ей сказать: это нам хорошо удалось! (...)

В ходе истории Церкви были, однако, и противоположные тенденции, то есть Церковь, которая довольна собой, которая с удобством расположилась в этом мире, которая самодостаточна, которая подстраивается под критерии мира. Нередко таким образом организации и формальностям она придает большее значение, чем своему призванию быть открытой Богу. (...)

Чтобы соответствовать своей подлинной задаче, Церковь должна постоянно стараться преодолеть секуляризацию и снова открыться Богу. (...) В каком-то смысле история приходит на помощь Церкви: эпохи секуляризации значительно способствовали ее очищению и внутренней реформе. (...)

Церковь открывается миру не для того, чтобы привлечь людей в структуру с собственными притязаниями на власть, а чтобы они стали самими собой и чтобы таким образом привести их к Тому, о Ком каждый может сказать вслед за святым Августином: «Он ближе мне, чем я сам» (ср. Исповедь, III, 6, 11). (...) Речь не идет о поисках новой тактики, которая дала бы Церкви новый импульс. (...)

Верить, что вечный Бог беспокоится о нас, людях, и знает нас, что Непостижимый в определенном месте сделался постижимым, что Бессмертный страдал и умер на кресте, что нам, смертным, было обещано воскресение и жизнь вечная, - верить во все это – конечно, слишком уж неслыханное требование с точки зрения человека.

(Выступление перед католиками,
занимающими должности в Церкви и обществе,
Фрайбург, 25 сентября)